

Борис Михайлович Бим-Бад, Сергей Назипович Гавров

***Семья в контексте традиционного
российского общества***

Мы знаем, что в дореволюционной, дооктябрьской России, а в определенной мере и в постреволюционном Советском Союзе были сильны патриархальные и авторитарные воззрения. Они вбирали в себя взгляд на мир русской ортодоксальной церкви, включая учение о подчиненности женщины мужчине. Так, московский патриарх Сильвестр писал о том, что мужья и отцы должны укреплять покорность жен и детей, власть церкви и царя [Биллингтон, 2001: 456]. В старой семье торжествовал и усваивался главный принцип соборного, холистского мира, господствующей холистской идеологии.

Холистическая идеология придает значение “социокультурной тотальности”, целостности и пренебрегает человеческим индивидом или же подчиняет его: такая идеология относится к иерархическому обществу, в котором, как в случае с индийской системой каст, порядок является результатом “установления ценности” (а именно ценности целого), а значит – части или элементы (в частности, индивиды) оказываются, по определению, подчиненными целому или тому, что воплощает, выражает, представляет целое [Рено, 2002: 91-92].

Для понимания особенностей и социокультурных оснований жизни и самого широкого распространения патриархальной семьи в России отметим, что холистскую идеологию с большей или меньшей степенью рефлексивности, а в абсолютном большинстве случаев без всякой рефлексивности вообще, разделяла не только масса необразованного крестьянства, но и значительная часть русской интеллектуальной элиты. Особенности мировоззрения интеллектуальной элиты российского общества, в частности славянофилов, мы здесь разбирать не будем, отметим лишь ее вполне сочувственное отношение к патриархальному народному быту, патриархальной крестьянской семье.

Уже в середине XIX века И. Киреевский писал о том, что если мы захотим... «вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то заметим, что каждый член семьи никогда в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти. Мысли о собственной выгоде совершенно отсекают от самого корня своих побуждений. Цельность семьи есть одна общая цель и пружина» [Киреевский, 1979: 284]. Человек для семьи и во имя семьи – таков описываемый и защищаемый Киреевским идеальный принцип семейной солидарности, основа вековых российских семейных устоев.

Вот как основоположник российской земской статистики Ф.А. Щербина в вышедшем в свет в 1897 г. «Сводном сборнике по 12 уездам Воронежской губернии» отметил, что в крестьянском хозяйстве определяющим была не степень родства, а степень участия в труде и потреблении. Кто сполна со всеми работал и «хлебал щи из одной миски» со всеми, – того не забывали.

А вот тех, кто еще (дети) или уже (старики) не был в состоянии работать, – «нечаянно» могли и пропустить в перечне членов семьи. Земские статистики иногда раздражались: как же это глава многодетного семейства способен вообще не упомянуть о малом ребенке, зато точно знает, сколько у него всех телят и поросят. А вот если двенадцатилетний ребенок по своей сметке и силам уже мог

работать как взрослый или семидесятилетний старик продолжал пахать наравне со всеми, о таких членах семьи всегда помнили точно [Никулин, 2000: 73].

Как жены были подвластны своим мужьям в семье, так и женщины в общине подчинялись мужчинам, чьи властные позиции в локальном сообществе поддерживались формально – правом и неформально – общепринятыми правилами повседневной жизни, обычаями и культурными традициями.

В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится, – именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами... Этот начальный общественный тип играет большую или меньшую роль во всех малоразвитых обществах; но нигде он не получил такого преобладающего значения, нигде не удержался в такой степени на первом плане во всех социальных, частных и публичных отношениях, как у великорусов [Кавелин, 1989: 197].

Иными словами, патриархальная семья и патриархальные семейные отношения воспроизводятся и одновременно воспроизводят авторитарную социокультурную традицию, характеризующую отсутствием у людей гражданских прав, политическим и экономическим угнетением личности.

Известный монархический автор начала прошлого века Н.И. Черняев указывал на то, что при первом историческом появлении великорусского племени уже можно было подметить его отличительные черты: энергию и предприимчивость, дар устроения и организации, способность, сплотившись в одну артель, всецело подчиниться ее большаку. Эти качества – удалая энергия, дух устроения, артели и подчинения – помогли великорусскому племени совершить его великую историческую миссию – создать из раздробленной Русской земли одно государство, претворив ее рассеянные племена в одну нацию посредством самодержавной

царской власти, которая была единственным средством для совершения такого дела [Черняев, 1998: 112].

Политическое и экономическое положение отца отражается в его патриархальном отношении к остальным членам семьи. В лице отца авторитарное государство имеет своего представителя в каждой семье, и поэтому семья превращается в важнейший инструмент его власти [Райх, 1997: 76]. Подобного же мнения придерживается и известный французский социолог П. Бурдьё: «Социальный порядок функционирует как огромный символический механизм, утверждающий ту мужскую гегемонию, на которой основан и он сам» [Сокулер, 2003: 41-42].

Что же касается проводимых исследований взглядов самого крестьянства на семью, семейную жизнь, гендерные роли мужчины и женщины, то они глубоко патриархальны. Муж, по исконному взгляду народа, неизменно должен главенствовать в семейном быту. Только при соблюдении этого условия будет в семье все идти по-доброму, по-хорошему...

Вот некоторые примеры из русских пословиц и поговорок, собранных А.А. Коринфским: «Не скот в скоте коза, не зверь в зверях еж, не рыба в раках рак, не птица в птицах нетопырь, не муж в мужах – кем жена владеет» – гласит строгий приговор народной мудрости, создававшейся многовековым опытом жизни. «Бабе волю дать – не унять», «Кто бабе над собой волю дает – себя обкрадывает», «В дому женина воля – тяжкая мужнина доля: удавиться легче», «От своевольной бабы за тридевять земель сбежишь», «Хуже бабы тот, кем жена верховодит», «Возьмет баба волю, так и умный мужик в дураках находится вволю», «Дура-баба и умного мужа дурее себя сделает, коли на нем ездить, его кнутом погонять зачнет!», «От своевольной жены – Господь упаси и друга, и недруга, и лихого татарина!» [Коринфский, 1994: 337].

Для русского крестьянина патриархальная семья представляет собой не только высшую ценность, но и самое естественное

положение вещей. При заключении брака, как правило, обязательным было венчание, оформлявшее брак официально («законный брак»). Исключение составляли т.н. браки сводные, чаще всего у старообрядцев-беспоповцев и некоторых сектантов [Милюков, 1994: 79]. В брак в конце XIX века вступали мужчины в 24–25 лет (после службы в армии), женщины – между 18 и 22 годами [Шмелева, 1994: 302].

Но такое вполне благоприятное и современное положение в сфере семейных отношений сложилось лишь к концу XIX века, то есть всего немногим более ста лет назад! Да и касалось это лишь возраста вступления в брак, когда в семейные отношения вступали уже достаточно взрослые люди. Да и не везде, несмотря на утверждения автора энциклопедии «Народы России», положение было столь благостно, хотя развитие капиталистических отношений, процессы урбанизации постепенно размывали представления о патриархальной семье как о социокультурной норме.

Мы знаем, что в конце XIX века женщина продолжала оставаться «детородной машиной», что изнашивало женский организм, вело женщину к преждевременной гибели, но, самое главное, практически не оставляло ей шанса стать личностью: получить образование и хорошо оплачиваемую профессию. В среднем крестьянки беременели «не через два с лишним года, а до истечения первого года после родов. Если же здоровье женщины оставалось в порядке в течение отведенного природой детородного периода, то она рожала доношенных детей с интервалом в 12–15 месяцев, рожая за 20–25 лет до 20 детей, что и фиксировал учет родильных отделений, но не могли отразить метрики» [Дьячков, 2000: 65]. Эти данные также относятся к концу XIX – началу XX века, то есть ко времени не самого плохого положения российской женщины.

Куда хуже было ее положение в средневековой Московии/России, чему есть немало свидетельств, преимущественно от иностранцев, по тем или иным надобностям посещавших пределы нашего отечества.

Как писал Джордж Турбервилль в «Послании близкому другу мистеру Эдварду Денси» от 1587 года: «Допустим, мужик имеет веселую, обходительную жену, которая служит его грубым прихотям, – он все же ведет животную жизнь, предпочитая мальчика в постели женщине. Такие грязные грехи одолевают пьяную голову. Жена, чтобы вернуть долги пьяного мужа, бросается от вонючей печи к дружку, превращая свой дом в публичный» [Нойманн, 2004: 105].

В 1646 году Адам Олеарий сетовал, что русская речь пронизана ссылками на телесные практики: «Русские – вообще очень сварливый народ, они набрасываются друг на друга как собаки, с отвратительными, грубыми словами... а к этим словам они добавляют «в гробу» и тому подобные постыдные речи. Так ведут себя не только взрослые и старики, но даже у маленьких детей, еще не знающих имени Бога, отца или матери, уже слетает с уст «ети тебя», и они говорят это своим родителям точно так же, как родители им» [Ерофеев, 2004: 16].

Что касается собственно семейных отношений и христианской чистоты нравов, об утере которой многие печалются, то на этот счет есть свидетельство известного историка Н. Костомарова о семейных нравах русского народа в XVII веке: «В семейной жизни господствовал грубый разврат. Браков вообще не любили и везде старались избегать венчания: в XVII веке в этом отношении делалось то же, что и в XII в., когда “Правило митрополита Иоанна” громило неуважение русского народа к таинству брака. Этого мало: на половые отношения русские смотрели с совершенно животной точки зрения, и потому нередки были кровосмешения свекров с невестками, братьев с сестрами, даже родителей с детьми» [Хренов, 2002: 393].

Также и голландский посланник Н. Витсен, посетив Московию в 1664–1665 годах, свидетельствовал: «Они чрезмерно сладострастны и очень склонны к пьянству; я стыжусь вспоминать примеры того и другого как у женщин, так и у мужчин. Вступают в брак еще детьми, и

это по разным причинам» [Витсен, 1996: 154]. С ним вполне солидарен и английский дипломат Дж. Флетчер: «Некоторые оставляют в кабаке 20, 30, 40 рублей или более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они, по словам их, в честь господаря, или царя. Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими). Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода» [Флетчер, 1991: 68].

Подобное положение сохранялось в течение столетий, санкционированное государством пьянство, являясь основной доходной статьей для казны, перешагнуло из Московии в Российскую империю, разрушая общество, семью и отдельного человека. Талантливый российский государственный деятель С.Ю. Витте, выступая в январе 1914 года на заседании Государственного Совета при обсуждении законопроекта о продаже крепких напитков, привел ужасающие статистические данные по пьянству в империи.

Итак. Русский народ тратит в год на водку 1 000 000 000 р., а государство тратит на Министерство народного просвещения только 160 000 000 р. в год, если даже взять общую сумму всех расходов, которые все ведомства и земства тратят в год на высшее и низшее народное образование всяких видов, то получится ежегодный расход всего около 3 000 00 000 р., что составляет менее 1/3 миллиардной суммы, которую российский народ ежегодно пропивает в пользу казны только в виде казенной водки. Не правда ли, цифры эти представляют умопомрачительные пропорции?! [Витте, 1998: 446].

Собранные государством деньги шли на военные нужды, на содержание более многочисленной, чем в западноевропейских странах, армии чиновников, на обустройство царского/императорского двора. Эти вложения временами окупались, российские армия и флот становились все более мощными и современными, но эволюция семейной, частной жизни заметно

отставала от совершенствования государства и его институтов. Круг замкнулся. Казенная водка, инвестиции в неэкономическую сферу чиновничества, армии и флота и опять казенная водка, беспамятство, замерзшие в пьяном виде в поле, в канавах, утонувшие в водоемах...

Что же касается средневековой практики деторождения, то здесь яркие зарисовки с тогдашней социальной природы сделал М.В. Ломоносов: «В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему с натурою спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество не супружество и, сверх того, вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу» [Ломоносов, 1980: 132].

Женились и выходили замуж совсем еще детьми, в 12, 14, много в 16 лет. Как своеобразную энциклопедию тогдашнего русского быта и нравов мы рассматриваем записки М.В. Ломоносова «О сохранении и размножении русского народа», которые подкрепляют описания иностранцев-иноверцев, которые по каким-либо причинам могут показаться читателю недостоверными, с некоторым налетом русофобии. Мы полагаем, что М.В. Ломоносов останется вне подобных подозрений, и его свидетельства будут восприняты более благосклонно.

Приведем еще одно наблюдение Ломоносова, касающееся причин ужасающей детской смертности.

«Остается упомянуть о повреждениях младенцев от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом... Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив

избавится, однако в следующих болезнях, кои всякой младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, она смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15-ти детей родили, а в живых ни единого не осталось? [Ломоносов, 1980: 137-138]». А уже в начале XX века русский демограф С.А. Новосельский констатировал, что русская смертность в общем типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношениях стран [Новосельский, 1916: 179]; естественно, что во времена М.В. Ломоносова это санитарно-гигиеническое и медицинское положение вообще было куда более удручающим.

Впрочем, не все так мрачно в этих зарисовках с русской натуры, иногда наши предки предстают куда более свободными в своем поведении, в том числе в отношениях между мужчиной и женщиной, чем чопорные и критически настроенные в отношении увиденного гости с Запада и Востока.

Итак, «жители города Владимира – христиане, подданные московского царя; Впрочем, имеют непристойные обычаи: ибо в этой стране лучшее удовольствие – бани, но в них моются мужчины и женщины вместе, без одежды; дозволяют себе весьма неприличные речи – более, чем допускает благопристойность в каком-либо государстве» [Рогожин, 1991: 176].

Признаем, что такая раскованность в отношении между полами, причем в прямом смысле в чистом, вымытом виде, куда более привлекательна, чем аналогичная ситуация в средневековой Европе, где вследствие роста населения и «великой распашки» площадь лесов катастрофически уменьшилась (за незаконную порубку европейского крестьянина вполне могли казнить еще в XV–XVI вв.),

поэтому он ходил немывтый, а среди аристократии по причине дороговизны топлива возникла мода на золотые вошеловки.

Возвращаясь из русского Средневековья в достаточно благополучное для Российской империи время начала XX века, мы полагаем, что для лучшего раскрытия заявленной нами к исследованию научной проблематики следует также привести выдержки из весьма нелицеприятных зарисовок с натуры, сделанных в тогдашней России французским послом М. Палеологом, полное издание мемуаров которого недавно впервые вышло на русском языке.

Итак, взгляд очевидца и современника событий, М. Палеолога. Нет ни одной цивилизованной страны, в которой социальные условия женщины были бы столь плачевны, как в русских селах. Уровень сексуальной морали в деревнях понизился до крайних пределов. Хозяин (глава семьи) присвоил себе неограниченную власть над всеми женщинами, живущими под крышей его дома. Долгие зимние ночи, полумрак, царящий в жилых помещениях из-за нехватки света, теснота в доме и скученность живущих в нем людей способствуют самому постыдному блюду. Самым обычным делом является акт кровосмешения между хозяином и его снохой, когда ее молодой муж уходит на военную службу или на заработки в город. Этот вид сожительства настолько распространен, что существует специальное имя для него: снохачество. Библейская греховность Лота и его дочерей, Рубена и Бала, Аммона и Тамары добросовестно и непрерывно продолжается в темных углах изб...

Злачные места в городах снабжаются главным образом представителями сельского населения. В Петрограде, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде и Одессе более половины всех проституток, а иногда и три четверти их, – деревенские девушки, даже дети, которых их родители поставляют владельцам публичных домов. В Петрограде их приблизительно 40 000, из которых по крайней мере 50% являются крестьянками. Как правило, они идут на панель совсем

юными, достигнув половой зрелости. Когда им исполняется двадцать пять лет, они возвращаются в свои деревни, чтобы выйти замуж, или устраиваются на фабрику работницами. Эти женщины еще более или менее легко отделяются, но многие погибают от спиртного, сифилиса и туберкулеза [Палеолог, 2003: 41-452].

Эти многочисленные свидетельства, а начиная с XVIII–XIX веков и все более возрастающий массив статистических материалов, со всей наглядностью и убедительностью показывают, что патриархальная российская семья была авторитарно структурированной хозяйственной ячейкой общества, но отнюдь не сосредоточением христианской морали и нравственных норм [Коринфский, 1994: 335-336]. Но и патриархальная семья на западе Европы в этом отношении была нисколько не лучше. Подкрепляя это утверждение, мы можем еще раз обратить внимание читателя на длинный список грехов-преступлений и денежной платы за них, своеобразный прейскурант, введенный римским папой Иоанном XXII, и представленный нами по сочинению Э. Даэнсона «О боге и черте» в заключительной части параграфа «Семья в эпоху преמודерна».

Справедливо отмечая, что Москва и особенно Петербург накануне революции были «совершенно западными городами», со всем букетом их социальных пороков, не следует забывать, что кроме жителей Москвы, Петербурга и некоторых других крупных городов, по многим параметрам сопоставимых с европейскими, в остальной России народ жил в другой исторической эпохе, обладая соответствующей ей ментальностью. Деревни, которые зимой заносило снегом так, что между ними не было никакого сообщения, с трудом можно назвать обществом в собственном смысле этого слова.

Мы знаем также, что в 90-е годы XIX века российская деревня вступила в полосу острой экономической и социокультурной нестабильности. Деревенские люди семьями и поодиночке стали в массовом порядке перебираться на жительство в города: «Жизнь в быстро модернизовавшемся городе с деревенским количеством

детей в семьях с гораздо большей долей безотцовщины и сиротства (и это было лишь малой частью разворачивавшегося системного конфликта) не оставалась без глубоких культурно-психологических и социально-политических последствий, имевших основной источник – исторически стремительное столкновение деревенского и городского миров».

В результате развития амбивалентных процессов, в том числе и массового переселения крестьян, захлестнувшего города и городскую культуру, в стране сложились три основные формы моногамной семьи – патриархальная, детоцентристская и супружеская.

❖ Патриархальная семья характеризуется доминированием мужчины в домохозяйстве. Он является главой семьи. В такой семье младшие ее члены и женщины должны подчиняться старшим и мужчинам. Лишь в конце XVIII – начале XIX века с развитием индустриального производства обозначился распад патриархальной семьи как доминирующего института. Но патриархальная семья была наиболее распространенной в России до Второй мировой войны.

❖ В детоцентристской семье взрослые придают очень большое значение благополучию детей и прикладывают усилия, чтобы при любых обстоятельствах сохранить брак в их интересах. В супружеской семье доминируют эгалитарные отношения, стабильность брака зависит от желаний и качества отношений между супругами. В послевоенные годы начиная с конца 40-х вплоть до 80-х годов XX века доминирующей стала детоцентристская семья.

❖ Все большее распространение получает и супружеская семья, которая становится более заметной, но пока еще не основной.

Следует обратить особое внимание читателей на то, что именно в рамках супружеской нуклеарной семьи происходит ускорение процесса освобождения человека из-под определяющего влияния авторитарной социокультурной традиции.

В России рассмотрение темы семьи и семейных отношений в контексте взаимоотношений мужчины и женщины, любви и

полового чувства стало популярно в конце XIX – начале XX века, особенно после поражения первой русской революции. Именно тогда начался процесс перехода от патриархальной к современной форме организации семьи, в России, в рамках рассматриваемой нами проблематики, появился целый ряд значимых научных публикаций [Абрамович, 1907: 45-65] [Браун, 1908: 67-72].

В стране впервые так открыто в научных публикациях, научно-популярной и художественной литературе, общественных диспутах, на уровне обыденного сознания обсуждаются вопросы семьи и брака, отношений между мужчиной и женщиной.

Так, например, философ, психолог и литератор Л. Войтоловский в работе «Текущий момент и текущая литература. (К психологии современных общественных настроений)», анализируя распространение любовно-эротической тематики в современной ему русской литературе начала XX века, отмечает, что в наплыве эротических настроений есть не только минусы, но и плюсы: они позволяют восстановить силы русскому обществу, растратившему их в эпоху общественных потрясений, этот наплыв – результат тех мучительных дум и переживаний, которые лихорадочным роением осаждают российского обывателя.

Л. Войтоловский говорит о возрастном, сезонном и социальном ритмах любви. Если в стабильных, развитых европейских обществах ее сезонный характер подчинен социальному регулированию, люди хотят освобождения от природы и одновременно доминирования над ней. В менее стабильных и успешных обществах, подверженных ломкам и потрясениям, чувственность играет роль лекаря, возобновляющего энергию и восстанавливающего утраченные общественные силы.

После поражения первой русской революции страна стояла на пороге сексуальной революции, уже тогда влияние православной церкви как социального института, христианских по своей генеалогии ценностей и норм во все большей мере элиминировалось

материалистическим, научным мировоззрением. В России появляются социологи, занимающиеся проблематикой семьи и семейных отношений. Здесь, прежде всего, следует выделить работы Н.К. Михайловского, М.М. Ковалевского, а также выдающегося ученого, психиатра и психотерапевта В.М. Бехтерева.

- [1] Биллингтон, Дж.Х. 2001. *Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры*: Пер. с англ. М.: РУДОМИНО.
- [2] Витсен, Н. 1996. *Путешествие в Московию, 1664–1665*. Пер. со староголландского В. Трисман; Предисл. Р. Максимовой и В. Трисман; Рисунки и гравюры с рис. Н. Витсена; Комментар. – СПб.: Симпозиум.
- [3] Витте. С.Ю. 1998. *Речь, произнесенная 10 января 1914 г. на заседании Государственного Совета при обсуждении законопроекта об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений*, in: Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА–Книжный клуб.
- [4] Дьячков, В.Л. 2000. *О нашем месте под солнцем, или О том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение*. Социальная история: Ежегодник, 2000. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- [5] Ерофеев, В. 2004. *Царство мата*. Московские новости, № 27 (1245). 23–29 июля.
- [6] *Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг.* Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. и автор вступительной статьи Н.М. Рогожин; Составитель и автор комментариев Г.И. Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991.
- [7] Кавелин, К.Д. 1989. *Мысли и заметки о русской истории*, Наш умственный строй. М.: Современник.
- [8] Киреевский, И.В. 1979. *О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России*, Критика и эстетика. М.: Искусство.
- [9] Коринфский, А.А. 1994. *Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа*. М.: Моск. рабочий.
- [10] Коринфский, А.А. 1994. *Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа*. М.: Моск. рабочий.

- [11] Ломоносов, М.В. 1980. *О сохранении и размножении русского народа*. М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство.
- [12] Ломоносов, М.В. 1980. *О сохранении и размножении русского народа*. М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство.
- [13] Милюков, П.Н. 1994. *Очерки по истории русской культуры*: В 3 т. Т.2, ч.1. М.: Прогресс-Культура.
- [14] Никулин, А. 2000. *Столетние обороты путанных сведений, Знание – сила*, № 8 (878).
- [15] Новосельский, С.А. 1916. *Смертность и продолжительность жизни в России*. М.: Научное слово.
- [16] Нойманн, И. 2004. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей* / Пер. с англ. В.Б. Литвинова, И.А. Пилыцкова; Предисл. А.И. Миллера. М.: Новое издательство.
- [17] Палеолог, М. 2003. *Дневник посла* / Пер. с фр. Ф. Ге, Л. Зайцева, Д. Протопопова. М.: Захаров.
- [18] Райх, В. 1997. *Психология масс и фашизм* / Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб.: Университетская книга. М.: АСТ.
- [19] Рено, А. 2002. *Эра индивида. К истории субъективности*, Пер. с фр. С.Б. Рындина. СПб.: Владимир Даль.
- [20] Сокулер, З.А. 2003. *Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё: (Научно-аналитический обзор)*, Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН.
- [21] Флетчер, Дж. 1991. *О государстве Русском*. Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. и автор вступительной статьи Н.М. Рогожин; Составитель и автор комментариев Г.И. Герасимова. М.: Междунар. отношения.
- [22] Хренов, Н.А. 2002. *Культура в эпоху социального хаоса*. М.: Едиториал УРСС.
- [23] Черняев, Н.И. 1998. *Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия*, Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва.
- [24] Шмелева, М.Н. 1994. *Русские, Народы России: Энциклопедия* / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия.